

Отзыв научного руководителя на диссертацию Дубинской Маргариты Викторовны «Полифонический роман Ф.М. Достоевского и творчество французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки и Австралии)

Работа М.В. Дубинской является первым диссертационным исследованием влияний поэтики полифонического романа Ф.М. Достоевского на творчество французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье. Раскрывая тему, М.В. Дубинская исходит из внутренней близости художественных принципов Достоевского, Жида и Алена-Фурнье, начиная с указания на сходство определений реализма Достоевским и Аленом-Фурнье. Если первый называет себя «реалистом в высшем смысле», то второй, имея в виду роман «Большой Мольн», пишет о «духовной реальности», реализме который «более реален, нежели земная жизнь». Духовный реализм М.В. Дубинская понимает как отображение духовных исканий героя, или поиска высших смыслов жизни. Её рабочий термин «духовный поиск» обозначает частный случай поиска Бога (Истины), который выражается в форме поиска героем его возлюбленной. Выражение «духовный поиск» близко формулировке Андре Лагарда и Лорана Мишара, обозначающих идею романа «Большой Мольн» как «ностальгический поиск Абсолюта». Но оно конкретнее «поиска Абсолюта», поскольку подразумевает любовь и сострадание, адресованные Богу через человеческую личность. Поэтому лучше подходит для выявления в творчестве французских писателей соответствий приемам поэтики полифонического романа Достоевского.

Приступая к изучению восприятия Андре Жидом творчества Достоевского, диссертант сразу ухватывает самую суть. Одно из важнейших наблюдений Жида о «трёх стратах души героя Достоевского» с их «драматическими взаимодействиями» М.В. Дубинская обоснованно рассматривает как интуитивное предвосхищение психологической почвы полифонии. К представлению о психологической основе полифонии Жид приходит до создания теории полифонического романа М.М. Бахтиным и описания

принципа тройственной полифонии В.В. Ивановым. Это наблюдение сделано Жидом независимо от учения акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовского о тройственной психической структуре души. «Драматические взаимодействия» между тремя стратами души героя, по Жиду, или те «три психические силы» души, среди которых главенствует «высшая» сила, по Овсяннико-Куликовскому, становятся предметом анализа при изучении поэтических приемов на материале романов Жида «Тесные врата» и Алена-Фурнье «Большой Мольн». Основной конфликт романа «Тесные врата» выражен диалогическим противоречием различий в понимании любви главными героями. Монологический подход Алисы выражается метафорой «тесные врата» и противостоит полифонии Жерома.

Встреча, разлука, утрата, поиск и обретение возлюбленной ложатся в основу романов Жида и Алена-Фурнье. События облачаются в знакомую нам по творчеству Достоевского поэтическую форму карнавального действия и «пороговой ситуации» (Бахтин), «конклава» персонажей (Л.П. Гроссман), а развитие и разрешение конфликта протекает в форме тройственной полифонии. Диссертант выявляет соответствия связей полифонической поэтики Жида и Достоевского с молвой, указывая на совпадение фигуры «регистратора молвы» (В.В. Иванов) и отмечая общность мотива «героини с книгой» (Н.В. Чернова). Обнаруживает соответствие функции и основной структуры конклава Жида композиционной функции и структуре конклава Достоевского. Обнаруживает и те особенности поэтики конклава Жида, которые описали Г.К. Щенников и В.В. Иванов, развивая теорию конклава Л.П. Гроссмана на материале романов Достоевского. М.В. Дубинская отмечает усложнение структуры конклава Жидом, связывая конклав с развитием основного конфликта на сюжетно-композиционном уровне. Исследуя поэтику «хронотопа» «Тесных врат», диссертант обнаруживает звучание голоса Бога в «многоголосии природы» из описания сада главной героиней Алисой. Дубинская также обнаруживает и описывает авторские поэтические приемы Жида: *«замерший хронотоп»*, *«хронотопная рамка пороговой ситуации»*, *«хронотоп стороннего наблюдателя»*.

Дубинская указывает на подчинение композиционного единства романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» принципу *«сочетаемости систем хронотопа и конклава»* и на наличие принципа *«двух хронологических последовательностей развития событий»*. В одной последовательности события расположены во времени их происхождения, в другой

— во времени узнавания о них рассказчиком и читателем, что связано с приемом, названным ею *«ретардация описания конклава»*. Конклав усложнен приемами *«стоп-кадра»* и *«межконклавной диалогической переключкой»*.

Опираясь на «переключку символов неба», обнаруженную Щенниковым у Достоевского и Гюго, диссертант исследует поэтику образа неба в «Большом Мольне». Символику образа неба Дубинская связывает с невербальной формой проявления голоса-позиции Бога, исповедальным словом и пороговой ситуацией. Её вывод: образ неба Алена-Фурнье ближе образу неба Достоевского, чем образу неба Гюго. Дубинская обнаруживает принцип приурочивания ключевых событий «Большого Мольна» к христианским праздникам, совпадающим по времени с языческими (кельтскими) праздниками. Показывает, что праздничный хронотоп расширяет возможности карнавализации. Мотив карнавальной маски рассматривает в связи с образами Франца и Валентины, вводя термин «маска психологических состояний». Находит почти дословное совпадение высказываний Барашковой о князе Мышкине и Валентины о Франце де Гале. Отмечает сходство образа Мольна в карнавальном хронотопе замка Саблоньер с образом князя Мышкина в статусе незваного гостя на именинах Барашковой. Указывает на ряд совпадений в описании подростковых сообществ Достоевского и Алена-Фурнье, образованных по типу «духовной семьи» (Иванов).

Анализ влияний полифонической поэтики Достоевского на произведения Жида и Алена-Фурнье покоится на добросовестном исследовании влияний французской литературы на творчество Достоевского. Дубинская последовательно рассматривает эти влияния на Достоевского — читателя, критика, переводчика романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», а также писателя, создавшего в романе «Бесы» яркий образ франкоговорящего либерала-западника. Отмечает рано сформировавшуюся позицию писателя, высоко ценившего классиков французской литературы Гюго, Бальзака, Фредерика Сулье, Эжена Сю и Жорд Санд. Показывает, что по поводу творчества Гюго и Бальзака Достоевский вступал в полемику не только с русской критикой (В.Г. Белинским, Н.А. Полевым), но и с французской критикой (Низаром). Подтверждение объективности позиции Достоевского диссертант находит в статьях Жида.

Дубинская дополняет наблюдения В.В. Виноградова над романом «Бесы», в котором Виноградов находит «осколки семантики» кошмара приговорённого к смерти у

В. Гюго. Вполне правомерно допущение Дубинской о влиянии мотива скрытого предмета, скрытой информации у Гюго на формирование того же мотива в поэтике Достоевского в качестве «вторичного воздействия», дополнившего основное, фольклорное, влияние. Дубинская, приводя мнение Бахтина о Бальзаке — прямом предшественнике Достоевского, помимо ряда подтверждающих это мнение примеров Гроссмана обнаруживает почти дословно совпадающие цитаты, дополняющие соображения Гроссмана о сходстве характеров Растиньяка и Раскольникова. Наблюдения Гроссмана о влиянии женских образов Бальзака на женские образы Достоевского она дополняет предположением о влиянии образа графа Альберта из романа Ж. Санд «Консуэло» на образ князя Мышкина. Предположение, поддержанное сходством биографических черт, сюжетных линий, приступов нервной болезни и других деталей характеров персонажей.

«Достоевский достаточно хорошо знал французский язык и культуру», — пишет испанский достоевед Жорди Морильяс. Разделяя этот взгляд, диссертант приводит ряд доказательств превосходного владения Достоевского французским языком и среди них перевод романа «Евгения Гранде». Дубинская не разделяет мнение Гроссмана о том, что Достоевский «избегал трудностей точного перевода». Например, фраза «улица кое-где тёмная», или «улица, местами тёмная» не трудна для точного перевода, но Достоевский переводит её «улица почти всегда пустынная и молчаливая», по мысли Дубинской, для передачи психологической атмосферы духоты провинциального города. Разделяя высокую оценку перевода А. Лешневской, Дубинская делает вывод: Достоевский работал согласно принципу транспозиции, как и другие переводчики его эпохи. Блестящей речевой характеристикой героя-западника С.Т. Верховенского в романе «Бесы» становится тот французский язык, который Достоевский называет в своих статьях «фантастический, сумасшедший» и «как бы краденый язык». Достоевский считает методической ошибкой учить иностранный язык до первоначального усвоения ребёнком родного языка. Основным стилистическим приемом создания образа героя-западника становится систематическое нарушение героем норм французского языка; его мышление столь же поверхностно, как и его владение французским языком.

Диссертация Маргариты Викторовны Дубинской «Полифонический роман Ф.М. Достоевского и творчество французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье» является научно-квалификационной работой, в которой содержится

